

Научная статья
УДК 94(470+571.52)

ТЕРЕ-ХОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ТУВЕ (1932 г.)

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, к.ф.н., ученый секретарь, Кызыл, Республика Тыва, Россия, nod695596@gmail.com.

Аннотация. В представленной статье исследуется малоизученный в тувинской историографии вопрос, связанный с вооружённым восстанием в Тере-Холе в 1932 г.: внутриполитический аспект и причины, ход событий, социальный состав участников, трансграничный характер и

политические уроки мятежа.

В статье показано, что Тере-Хольское вооружённое выступление было направлено против политики партии и правительства, в защиту религии, и носило антимодернизационный характер. Социальный состав участников свидетельствует о том, что в восстании принимали участие не только бывшие феодалы и ламы, чье экономическое и политическое положение ухудшилось вследствие «левой политики», но и араты, партийно-ревсомольские работники, представители местных органов власти. Как и восстание на Хемчике 1930 г., мятеж в Тере-Холе имел трансграничный характер, по времени совпал с Хубсугульским восстанием в Монголии.

Мятеж в Тере-Холе в 1932 г. был последним проявлением открытой формы сопротивления и противостояния политике партии и правительства в ТНР, с этими событиями закончился вооружённый этап политического протеста в ТНР.

Ключевые слова: внутренняя политика ТНР, конфискация имущества, «ламский вопрос», Тере-Хольское восстание

Для цитирования: Натсак О. Д. «Тере-Хольское восстание в Туве (1932 г.)» // Азиатские исследования: история и современность». 2022. №3. С.25-54. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-25-54

THE TERE-KHOLSKY MUTINY IN TUVA (1932)

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, nod695596@gmail.com.

Abstract. The article is devoted to an insufficiently studied issue in Tuvan historiography related to the armed uprising in Tere-Hol in 1932: the internal political aspect and causes, the course of events, the social composition of participants, the cross-border nature and political lessons of the mutiny.

The author shows that Tere-Khol armed action was directed against the policies of the party and the government, in defense of religion, and has an anti-modernizing nature. The social composition of the participants indicates that they were not only former feudal lords and lamas, whose economic and political situation worsened as a result of "leftist politics", but also

arats, party and Komsomol workers, representatives of local authorities. Like the mutiny on Khemchik in 1930, the incident in Tere-Khol had a cross-border character, coincided in time with the Khubsugul uprising in Mongolia.

It had been the last manifestation of an open form of resistance and opposition to the policies of the party and government in the TPR after which there was no armed political protest in the TPR.

Keywords: internal policy of the Tuvan People's Republic, confiscation of property, "Lama question", the Tere-Khol mutiny

For citation: Natsak, O. D. (2022) "The Tere-Kholsky mutiny of 1932", Asian Studies: History and Modernity, no. 3, p.25-54. DOI: 10.24412/2782-6139-2022-3-25-54

Введение

Целью данного исследования является историко-политологическое осмысление событий, предшествовавших Тере-хольскому восстанию 1932 г., а также непосредственно связанных с ним. Исходя из этого, перед автором стояли задачи поиска и анализа документов и материалов, проливающих свет на недостаточно изученные события в тувинской истории, определения внутренних предпосылок восстания, роли политических, экономических и социокультурных факторов. Автору важно было показать причинно-следственные связи, значение социально-политических трансформаций в рассматриваемый период.

Объектом исследования является внутривнутриполитическая ситуация в ТНР.

Предметом выступает вооружённое восстание в Тере-Холе в 1932 г.¹, его внутренние причины, социальный состав, ход событий, политические последствия и уроки выступления.

Степень изученности темы. Рассматриваемый вопрос является одним из наименее изученных в тувинской исторической литературе. В историографии весьма скудны сведения об участниках и подавлении Тере-Хольского восстания. Единственным исследованием, содержащим специальный раздел о вооружённых выступлениях в Туве 1930-1932 гг., в том числе в Тере-Холе, является «История Тувы» 2007 г. Авторы вышеуказанной работы пришли к выводу о том, что причинами вооружённых выступлений явились «беззакония и произвол власти ТНР в отношении представителей прежней политической элиты, чиновничества, духовенства, зажиточных аратов...» [История Тувы 2007, с. 194].

Так же немногочисленны документы, связанные с рассматриваемым событием. В краткой исторической справке внутри докладной записки о работе Министерства внутренних дел ТНР от 1 мая 1944 г.,

¹ Тере-Холь является труднодоступной пограничной окраиной Тувы. Как хошун был создан только в 1936 г. на основе Тере-Хольского сумона, в котором в тот момент проживало около 300 семейств численностью 2000 человек путем отделения от Каа-Хемского хошуна.

подписанной министром внутренних дел – комиссаром государственной охраны Н. Товариштаем², описана роль УГВПО-ВУОС-МВД «по вскрытию и ликвидации, возникающих в различных районах страны контрреволюционных (преимущественно повстанческих) очагов, создававшихся бывшими крупными феодалами, нойонами, теократами, чиновниками и прочими элементами, непримиримо относившихся к новому порядку вещей»³. Участие в ликвидации Тере-Хольского восстания являлось третьим после «вскрытия заговора под руководством Буяна-Бадырды и теократа Дондука» и подавления восстания 1930 г. крупным мероприятием для УГВПО. Согласно справке, в 1932 г. УГВПО «активно участвовало в ликвидации контрреволюционного восстания в Тере-Холе и некоторых сумонах Тес-Хемского хошуна. В этот же период времени УГВПО ликвидировало несколько контрреволюционных групп, подготавливающих восстание на территории Улуг-Хемского, Дзун-Хемчикского, Барун-Хемчикского хошунов. В результате этих мероприятий было предотвращено расширение масштаба восстания и были созданы условия для его полной ликвидации»⁴. Из этих сведений вытекает то, что в 1932 г. протестная активность была характерна для южной, центральной, западной частей Тувы, но восстание и вооружённое столкновение возникло только в приграничном Тере-Холе.

В материалах Центральной избирательной комиссии при Малом Хурале, датированных 24 июня 1938 г., присутствуют сведения об отмене результатов выборов в Тере-Хольском хошуне из-за допущенных «политических и технических ошибок»: «Во-первых, считают, что в этом хошуне нет ни одного лишённого избирательных прав феодала и теократа, а только есть араты, обладающие (избирательными – *О.Н*) правами, однако на самом деле в хошуне есть настоящие ламы, руководители и участники контрреволюционного мятежа 1932 г., по решению суда лишённые прав на разные сроки... Во-вторых, в низовые органы власти выбрали тех, кто принимал участие в контрреволюционном мятеже 1932 г., якобы по причине того, что в хошуне нет никого, кто не принимал бы участие в нем, и что это – особое обстоятельство. В действительности же есть те, кто бежал под влиянием мятежников, но после вернулся; есть невинные араты, кто не присоединился к мятежникам, если даже присоединился, то под давлением, но позже оторвавшись от них, вернулся на родину» [Моллеров, Натсак, Самдан 2021, с. 74].

² НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 1600, л. 4.

³ Там же, л. 3.

⁴ Там же, л. 3-4.

Исходя из содержания данного документа, можно сделать несколько выводов: восстание в Тере-Холе произошло в 1932 г.; оно было достаточно массовым по участию жителей территории; последствием данного восстания является, как и в случаях восстаний 1924, 1930 гг., незначительное, но все же миграционное движение через тувинско-монгольскую границу; участники получили лишение политических прав; многие семьи имели возможность вернуться в родные места.

При написании настоящей статьи были использованы документы из фондов Национального архива Республики Тыва (НА РТ)⁵, научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее – НА ТИГПИ)⁶, Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ)⁷. Автор также опиралась на материал, собранный у местных информантов Тере-Хольским краеведом С. Ш. Хомушку.

В качестве базового метода были использованы системный метод, позволяющий рассмотреть Тере-Хольское вооруженное восстание как многофакторный феномен, а также исторический метод, с помощью которого развитие политического протеста и его трансформации проанализированы с учетом политического аспекта.

Новизна исследования заключается в том, что в тувинской историографии впервые предпринята попытка осмысления причин и условий, в которых произошло Тере-Хольское вооружённое восстание в 1932 г.

Внутриполитический аспект и причины восстания

Из значимых политических процессов, происходивших в 1930-1932 гг., можно выделить несколько: продолжившиеся чистки в ТРСМ и организациях; состоявшаяся конфискация имущества бывших феодалов; депортация бывших феодалов из родовых кочевий и мест жительства в другие районы; усиление антирелигиозной борьбы и элиминация экономического и политического влияния ламства; принудительная коллективизация аратских хозяйств и создание колхозов. Кратко рассмотрим эти процессы.

⁵ НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 1600; ф. 1, оп. 1, д. 275; ф. 92, оп. 1, д. 80; ф. 92, оп. 1, д. 104; ф. 92, оп. 1, д. 168; ф. 144, оп. 15, д. 20; ф. 144, оп. 15, д. 28.

⁶ НА ТИГПИ, д. 1291; д. 1294.

⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 46; ф. 495, оп. 153, д. 47; ф. 495, оп. 153, д. 48; ф. 495, оп. 153, д. 55; ф. 495, оп. 153, д. 61; ф. 495, оп. 153, д. 67; ф. 495, оп. 153, д. 68.

28 февраля 1931 г. Политбюро ЦК ТНРП было принято постановление о принципах конфискации имущества и скота у бывших феодалов и бывших чиновников. В июле 1931 г. были определены объекты конфискации и размеры экспроприации [Очерки истории 1975, с. 83].

Чтобы понять, как происходила конфискация имущества, посмотрим список лиц, чье имущество подлежало конфискации, составленный комиссией по Тес-Хемскому хошуну 1 июня 1931 г., но утвержденный затем не хошунным управлением, а хошунным комитетом партии. Всего в списке 56 человек. По социальным характеристикам в этот список вошли несколько категорий: родственники (сыновья и братья) бывшего нойона Талха-Сюрюна; бывшие чиновники и их сыновья (хошунный мейрен, участвовавший в контрреволюционных группировках с 1930 г.; сумонный чангы; сумонный мейрен; тусалагчи (тув. – дузалакчы); сын нойона; сын чалана; сын хунду; чагырыкчы). Таким образом, можно определить основания, по которым те или иные лица попадали в этот список: принадлежность к властной иерархии и властным институтам на местном уровне, которые давно (10 лет назад) ушли из политической практики; должность, которую ранее занимал отец; и род деятельности. Это было своего рода наказание за прошлые времена, которые давно канули в лету, но с прицелом на будущее – чтобы эти люди и их дети никогда уже не смогли восстановить свое прежнее влияние среди местного населения, и в перспективе иметь притязания на власть. Если посмотреть имущественное положение этих лиц, то наибольшее количество скота у них равнялось 227, наименьшее 10⁸. Таким образом, не все были богачами, многие имели по 20, 30 и даже 10 единиц бодо⁹.

О масштабах кампании свидетельствуют списки лиц, подлежавших конфискации, составленные соответствующими хошунными комиссиями. Только по Тес-Хемскому хошуну в списке бывших феодалов, подвергшихся конфискации, было 217 чел.¹⁰ С каким имуществом оставались подвергшиеся конфискации лица? У некоего Болаа родом из сумона Хаан-Когей, бывшего феодала, у которого конфисковали имущество, оставалось 3 бодо на семью из 2-х человек¹¹.

В 1931 г. по Тере-Хольскому сумону в список лиц, чье имущество подлежало конфискации, входило 13 человек: ламы, сын нойона, сын ламы, бывшие мейрен-чангы, хунду, шаман¹².

⁸ НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 275, л. 8, 9.

⁹ Бодо – единица крупного рогатого скота.

¹⁰ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 80, л. 22.

¹¹ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 80, л. 7.

¹² НА РТ ф. 144, оп. 15, д. 28, л. 4.

Всего по Туве в течение 1931 г. было конфисковано 18 578 бодо, разное имущество, ценности. 75 % конфискованного скота было передано аратам, беднякам, сельскохозяйственным объединениям, 15 % – новым госхозам и 10 % – нуждающимся аратам отдаленных хошунов. Пастбища, сенокосные угодья и зимние стоянки бывших феодалов были переданы аратам и коллективным хозяйствам [Очерки истории 1975, с. 84]. Хошуны составляли списки бедняков, получивших помощь из конфискованного имущества. Кроме этого, часть конфискованного имущества отправлялась отдаленным хошунам и сумонам с целью оказания им помощи. Так, по решению Совета Министров ТНР от 9 июня 1932 г. 60 тыс. тугриков из фонда конфискованного имущества были выделены в качестве помощи Тоджинскому хошуну и сумону Тере-Холь¹³.

Анализ реестров конфискованного имущества в разных хошунах ТНР показывает, что изымали из хозяйств не только скот, но и практически все виды бытовых предметов: утварь, включая посуду, ножи, конские принадлежности, а также одежду, украшения¹⁴.

Как указано в постановлении ЦК ТНРП об итогах проведения 10-летия ТНР №101 от 16 сентября 1931 г., к этому времени конфискация имущества была «успешно проведена и закончена»¹⁵. По итогам конфискационной кампании чуть ранее вышеупомянутого документа было принято постановление №100 от 12 сентября 1931 г. Стилистика данного постановления показывает, что партия использовала метод самокритики, указывая на крайности, допущенные в ходе конфискации, называя их «левацкими заскоками», в то же время призывала к борьбе с разными проявлениями правого уклона.

Это был крупнейший передел собственности в истории ТНР, который кардинально изменил социальную структуру тувинского общества, из которой исчезли экономический класс крупных собственников скота и социальный слой частных торговцев.

Конфискация имущества стала в Туве апогеем реализации тактики Коминтерна «класс против класса».

Следующим этапом классовой борьбы было намечено переселение бывших феодалов, которые уже подверглись изъятию имущества. В этом же постановлении ЦК ТНРП об итогах проведения конфискации имущества феодалов (№100 от 12 сентября 1931 г.) указывалось: «... Дать хошунам подробные указания об усилении массовой работы в хошуне, о развертывании борьбы против попыток экспроприированных

¹³ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 104, л. 1.

¹⁴ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 80, л. 42.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 68, л. 197.

феодалов, применяющих новые формы и методы борьбы после конфискации, решительной борьбы против проявления правого уклона на практике, правых настроений и взглядов, против левацких заскоков, требующих конфискации и байских хозяйств, указав на то, что такое требование в данное время является политически вредным и играет на руку классовым врагам. Поручить соответствующим организациям срочно наметить лиц, подлежащих к переселению (из числа феодалов, подвергнутых конфискации) внутри хошуна и выселению вне пределов данного хошуна. Одобрить решения Президиума ЦКК, связанные с партвызваниями и исключениями отдельных местных работников и членов партии за извращения ими партийной линии в период проведения конфискации и за смыкание с феодально-байскими и теократическими элементами»¹⁶.

Из материалов Центральной комиссии по конфискации движимого и недвижимого имущества феодалов и лам за 1931 г. видно, что после конфискации выселяли из родовых мест в другие хошуны как самих бывших феодалов, так и их сыновей, которые жили отдельно от отцов, имея свое хозяйство. Из Тере-Хольского сумона, например, в Баян-Кол был выслан Санчаа за то, что его отец был нойоном; в Сесерлиг был выслан Танчай – его отец был чагырыкчы¹⁷. Из южных границ, где находился в Тере-Хольский сумон, высылали достаточно далеко: Серээдер, который до 1921 г. был мейреном-чангы, был выслан в Өөк-Хем, Ханмаштай-чагырыкчы был выслан в Элегест¹⁸.

Переселение бывших феодалов внутри хошуна или за пределы хошуна, означало лишение их свободы выбора места жительства и тем самым лишало гражданских прав. Однако неконституционными эти действия также нельзя было назвать, так как в Основном Законе (Конституции) ТНР, принятом в 1930 г. были четко обозначены классовые основы государства, предполагавшие неравное положение, неравный объем прав граждан ТНР. Принципиально новой характеристикой государства по новой конституции, чего не было в предыдущих конституциях, становится то, что ТНР объявлялась государством трудящихся аратских масс, стремящихся на основе диктатуры трудящихся аратских масс к обеспечению некапиталистического развития страны и осуществления социализма»¹⁹. В ст. 2 этой конституции было прописано, что «Консти-

¹⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 68, л. 185.

¹⁷ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 80, л. 7.

¹⁸ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 80, л. 7.

¹⁹ Основной Закон (Конституция) ТНР 1930 г. / Конституции Тувы 1921-1993 гг.: сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 49.

туция Тувинской Аратской Республики имеет своей целью гарантировать диктатуру трудящихся аратских масс в целях подавления феодалов, теократов и уничтожения всякой эксплуатации человека человеком»²⁰. Таким образом, на уровне Основного Закона (Конституции) государства были закреплены принципы дифференцированного правового положения граждан и подавления одних классов, их экономических и политических интересов другим. Это был новый для Тувы вид политического неравенства. Конституция 1930 г. закрепила норму о том, что Тувинская Аратская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, «которыми они пользуются в ущерб интересам аратской диктатуры»²¹.

Кроме того, составлялись списки тех, кто подлежал особому обложению налогами. Так, по Тере-Хольскому сумону таких было 19 человек, среди которых шаманка, ламы, жены тех, кто был лишен прав, сами «лишенцы»²².

В обществе, которое за короткий срок должно было трансформироваться по этой политико-экономической схеме, несогласие и недовольство достигли критической точки и вылились в крайнюю форму политического протеста – вооруженное восстание и бегство – вынужденную эмиграцию.

Молодой человек крутит молитвенный барабан.

Локация восстания 1932 г., на наш взгляд, является не случайной, так как после восстания на Хемчике 1930 г. для армии и УГВПО западная Тува могла стать зоной особого внимания для принятия превентивных мер. Полагаем, что отдаленность территории затрудняла контроль со стороны центра, а также пограничное положение Тере-Холя, близость к монгольским очагам восстаний (Хубсугульское восстание) стали определяющими в событиях 1932 г.

Гонения на лам и антирелигиозная политика – этот вопрос, как и в 1930 г., сыграл немаловажную роль в протестных настроениях. Рассмотрим динамику изменений за 1930-1932 гг. К 1932 году практически полностью были

²⁰ Там же, с. 50.

²¹ Там же, с. 51.

²² НА РТ, ф. 144, оп. 15, д. 20, л. 1.

подорваны основы экономического и политического влияния церкви в ТНР²³. Из 22 существовавших в 1926 г. хурээ в 1932 г. осталось только одно действующее хурээ – Самагалтайское. Как потом позже в 1934 г. признавалось в докладе ЦК ТНРП, направленном в ИККИ, «В 1932 году остался только один монастырь с 15 ламами. До 1932 года в ламском вопросе нами допускались левацкие ошибки, заключающиеся в административной борьбе против ламства и религии (отобрание предметов религиозного культа у населения, растаскивание имущества монастырей, зажим лам всяческими способами)»²⁴.

Надо отметить то, что хурээ, находившееся в Тере-Хольском сумоне, по количеству постоянно проживавших и закрепленных лам, а также по количеству учеников не был мелким. Всего там было 50 лам, из них 30 постоянно проживало в монастыре, 20 – в юртах, 15 учеников. Из 22 хурээ, существовавших в Туве в 1928-1929 гг., в 11 монастырях лам было меньше 50 человек.

Если в 1932 г., как указывают документы, осталось одно действующее хурээ, то можно предположить, что Тере-Хольское хурээ к этому времени уже не функционировало. Исходя из количества лам, которые ранее находились при этом хурээ в условиях маленького сумона, можно предположить, что они представляли собой достаточно серьезную силу. Ламы могли не проявлять открытого недовольства государственно-партийной политикой до определенного времени, но находиться в парадигме прежнего времени и искать возможности его возврата.

*Сохранившийся фрагмент деревянной конструкции
буддийского дугана в Тере-Хольском сумоне*

²³ Повторное открытие хурээ в Туве начнется в 1934 г. после признания политических ошибок, допущенных партией и властью в ТНР в 1930-1932 гг., но это продлится недолго.

²⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 48, л. 93.

Вопросы коллективизации рассматривались в июле 1930 г. на пленуме ЦК и ЦКК партии. Исходя, скорее всего, из тех ошибок, которые были допущены на начальном этапе, и, возможно, после анализа обстоятельств Хемчикского восстания 1930 г., пленум рекомендовал самые простые формы товариществ по совместной закупке машин (машинные товарищества), племенных производителей, простейшие животноводческие товарищества и товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ). Было указано на недопустимость нарушения принципа добровольности вступления в коллективные хозяйства [Очерки истории 1975, с. 86]. С такими оговорками процесс коллективизации аратских хозяйств был продолжен. К июлю 1931 г. в ТНР было создано 192 коллективных хозяйств, прошел первый съезд колхозников. Управление колхозным движением было институционально оформлено в виде Колхозцентра. В мае 1931 г. Восточный секретариат ИККИ предупреждал об отсутствии условий для сплошной коллективизации [Там же, с. 86-88]. Вместе с тем, в Туве в 1931-1932 гг. была развернута сплошная коллективизация, которая шла в разрез с интересами хозяйств разных групп населения.

Рассматривая внутривнутриполитическую обстановку в ТНР того времени, необходимо указать на тот факт, что партия как политический орган начинает осуществлять социальный контроль над частными межличностными контактами членов партии, пытаясь запретить коммуникации, даже родственные, с «классово чуждыми элементами». Волевыми решениями можно было поделить общество на классы, каким-то классам дать больше прав, какие-то классы лишить определенных прав. Но такое деление носило на уровне межличностного взаимодействия искусственно-формальный характер, а устоявшиеся социальные связи, в том числе родственные, продолжали существовать. Об этом свидетельствуют факты разбора персональных дел членов ТНРП в 1931 г. Например, постановлением Президиума ЦКК ТНРП от 10 октября 1931 г. было принято решение об объявлении строгого выговора и снятии с работы редактора газеты «Шын» Манлая, отец которого был монастырским хунду, за то, что Манлай бывал в гостях у бывших феодалов и обращался за лечебной помощью к ламе, «когда под боком находилась государственная больница»²⁵. Или случай, когда Тапыту, члену АРП, учившемуся 3 года в КУТВ, председателю Союза горняков объявили строгий выговор за то, что он «во время пребывания в отпуске в Тес-Хеме бывал в гостях у феодала Тогаа; при родах жены приглашал знахаря-феодала, живя рядом с больницей, в настоящее

²⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 47, л. 74.

время живет совместно с отцом-феодалом (Мейрен-хунду, лишенцем) и содержит его»²⁶. Эти факты свидетельствуют о насильственном расколе внутри общества и семейно-родственных отношений, о движении партийно-государственных структур в сторону репрессивной модели.

Такой была внутривластная обстановка в Туве накануне возникновения Тере-Хольского восстания в 1932 г., в совокупности эти факторы рождали в обществе ропот и неприятие.

Применительно к Тере-Хольскому восстанию, учитывая малочисленность населения, географическую удаленность от центра и труднодоступность, можно сказать, что для жителей данного хошуна из перечисленных политических событий актуальны были лишь те, которые затрагивали жизненные интересы ламства, зажиточной части населения и аратов. Это – вопросы собственности: конфискация имущества и переселение феодалов в другие хошуны, коллективизация хозяйств аратов и гонения на лам, антирелигиозная политика в целом.

В Туве после восстания на Хемчике 1930 г. представители духовенства не отказались от агитационной, политической активности, результатом чего явились появление в 1931-1932 гг. других очагов скрытой напряженности и открытых антипартийных, антиправительственных выступлений.

В октябре 1931 на заседании Политбюро ЦК ТНРП докладывал начальник УГВПО ТНР Пульчун, по итогам его выступления было принято постановление Политбюро №106 от 6 октября 1931 г. Примечательным является то, что в постановлении отражена попытка интерпретировать внутривластные процессы, связанные с антиправительственной, антипартийной деятельностью гонимого в политическом и экономическом плане класса, в более широком, международном контексте, прежде всего, увязать с действиями Японии. В тот период военная активность Японии на Корейском полуострове и в Китае (Маньчжурии) представляла реальную угрозу Монголии, через нее и Туве. «Молодые офицеры», приверженцы экспансионистской политики в Японии, достигли своей цели, когда в 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии и в 1932 г. создали марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с Пу И, последним китайским императором [Васильев 1994, с. 224].

В связи с военной активностью Японии в Манчжурии Восточный секретариат Коминтерна направил письмо IX съезду ТНРП, который проходил с 20 февраля по 10 марта 1932 г. Исходя из международной ситуации, были выделены угрозы и вызовы для ТНР: «Захват Манчжурии

²⁶ Там же.

японцами угрожает Монгольской Народной Республике. Угроза порабощения Монголии является в то же время угрозой порабощения Тувинской Народной Республики и превращения трудящихся аратов, строящих свое народное хозяйство и национальную культуру, непрерывно поднимающих свое материальное благосостояние, в рабов японского империализма. Опасность интервенции вызовет оживление надежд клерикально-феодалных реакционных сил в Туве, которые являются внутренним резервом интервенционистов. Все это требует особой бдительности трудящихся Тувы» [См.: Натсак 2020, с. 117].

Как японская агрессия в Маньчжурии могла влиять на ситуацию в Туве? Идея создания панмонгольского государства под контролем Японии возникла после начала событий Синьхайской революции в Китае. Как утверждает Наками Татсуо, в 1920-е гг. в некоторых японских источниках появились упоминания о том, что японская экспансионистская группа совместно с маньчжурскими и монгольскими партнерами нацелились на создание маньчжурско-монгольского марионеточного государства под контролем Японии. Интрига получила название «Движение за независимость Ман[чжурии]-Мо[нголии]» [Tatsuo 2003, p. 93]. Проект «Ман-Мо» имел два этапа – 1911, 1916 гг., смысловые акценты менялись. Однако реализован он был в несколько ином виде только в 1932 г. в виде непризнанного государства Маньчжоу-го, и включал в своем составе этнических монголов наряду с китайцами. Японцы пытались привлечь монголов центральных и западных областей Внутренней Монголии идеей большого независимого монгольского государства. Имеет место быть мнение о том, что с Маньчжоу-го связывались надежды вывести Внешнюю Монголию (МНР) из орбиты советского влияния [Imperial Japan 2003, p. 12].

Исследователи указывают и на другое название плана японцев по созданию аналогичного Маньчжоу-го государства в виде объединенной Монголии под названием Монголо-го: «Идея Токио заключалась в объединении МНР с китайскими провинциями Внутренней Монголии в одно марионеточное государство. Конечной целью этих трансформаций виделось образование «маньчжуро-монгольской империи», то есть возвращение Внешней Монголии под власть маньчжурских правителей, как это было с конца XVIII до начала XX в. это образование должно было стать новым материковым владением Японии» [Системная история 2006, с. 248]. В этом контексте мы не должны забывать о том, что Тува также была составной частью Цинской империи.

В случае нападения на Монголию, непосредственная военная угроза коснулась бы не только Тувы, но и советской территории. В этой связи

у Коминтерна и у руководства ТНР была настороженность по поводу возможного влияния японской активности на группы недовольных внутри тувинского государства.

Каналы распространения нежелательной информации связывали с иностранцами, проживавшими на территории ТНР, в основном с японскими подданными – корейцами, китайских торговцев к тому времени вытеснили из Тувы.

Рассмотрим выдержку из постановления Политбюро ЦК ТНРП №106 от 6 октября 1931 г. по итогам доклада начальника УГВПО Пульчуна: «Опыт борьбы с контрреволюцией за текущий 1931-й г. показал, что ламство, ушедшее из хурээ и расселившееся по худонам, прикрывшись трудом худонского арата, особенно активно начало проявлять свою контрреволюционную деятельность. Во всех раскрытых контрреволюционных группировках ламы занимали солидное место, а в отдельных случаях (Кундергейская²⁷ контрреволюционная организация), играли главную организующую и руководящую роль. В связи с последними военными событиями в Китае – оккупацией японскими военными силами Внутренней Монголии и приближение их к границам Внешней Монголии, феодало-байский и ламский контрреволюционный элемент неизбежно использует эти события в интересах своей контрреволюционной работы, направляя ее в сторону поднятия настроения в своей среде и деморализации аратства. Это подтверждается тем, что за последнее время политическая активность контрреволюционного элемента в этом направлении усиливается посредством распространения всевозможных провокационных слухов о неизбежности скорого прихода японских войск и ликвидации существующего в Монголии и ТАР²⁸ строя. Причем отмечается, что распространение этих провокаций исходит главным образом от японских подданных корейских граждан и китайцев, проживающих на территории ТАР»²⁹.

Из этого же постановления по итогам доклада начальника УГВПО Пульчуна можно сделать вывод о том, что география политического недовольства проводимой политикой партии и правительства расширяется. Если локации выступлений 1924 г. были на Хемчике, 1930 г. – в Западной и Центральной Туве, то в 1931 г. возникают очаги в Южной Туве. «Практика работы органов по борьбе с контрреволюционными

²⁷ Хондергей – сумон Дзун-Хемчикского хошуна, на территории которого вспыхнуло восстание 1930 г.

²⁸ ТНР.

²⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 46, л. 219 (2 об.) - 220.

элементами страны за текущий 1931 год говорит о значительных достижениях в области профилактических (предупредительных) мероприятий в этом направлении, о чем свидетельствуют своевременные и решительные мероприятия по раскрытию и ликвидации Улуг-Хем-Тесгольской³⁰ феодально-байско-ламской контрреволюционной организации, ставившей своей целью вооруженное восстание для свержения аратской диктатуры и реставрацию феодально-теократического режима»³¹.

В докладной записке УГВПО для представления в ЦК АРП и Правительство ТНР от 15 августа 1932 г. сообщалось о том, что «на протяжении последних двух лет, страна пережила два крупных контрреволюционных вооруженных выступления (Хемчикское – март 1930 г. и Подхребтинское – апрель 1930 г.), за это время раскрыты две контрреволюционные повстанческие организации (Тес-Хемская в 1931 г. – 120 человек, и Подхребтинская в 1931 – 8 чел.)»³².

Эти данные говорят о том, что восстания 1930 и 1932 гг. – звенья одной цепи, что предпринимались в разных местах попытки сопротивления новым социальным, политическим и экономическим практикам, которые затрагивали жизненные интересы всех слоев населения, не только тех, кто был элитой тувинского общества до 1921 г. Недовольство выражало не только тувинское население и граждане ТНР, но и колония советских граждан – в этот же период имели место быть так называемые «кулацкие восстания», после которых участники восстания, которые являлись советскими гражданами из РСТК были отправлены отбывать наказание по суду за пределы ТНР, кто-то был приговорен к высшей мере наказания. В вышеупомянутой докладной записке УГВПО ТНР перечислялись эти меры: «Разгром (физический) ламства; внутрихошунное переселение феодальных элементов включительно до конфискации их имущества; выселение из пределов республики русского контрреволюционного элемента и кулачества³³; ликвидация самоуправления РСТК»³⁴.

В череде этих событий произошло Тере-Хольское восстание. По оценке УГВПО, за восстанием стояло нежелание бывшей элиты мириться с изменением своего положения в обществе. «Феодально-теократические элементы и байские элементы, будучи лишены политической жизни

³⁰ Тесгольский – тув. Тес-Хемский.

³¹ Там же.

³² РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 31.

³³ Выселение шло не семьями, а индивидуально.

³⁴ РСТК – Русская самоуправляющаяся трудовая колония в ТНР, находившаяся под советской юрисдикцией.

и ущемлены экономически, потеряли перспективу возврата своего господствующего положения мирным путем и начинают оказывать упорное сопротивление, становясь на пути скрытой, а местами (Тере-Холь сумон) открытой борьбы с аратской диктатурой»³⁵.

Сведения о восстании

Начало восстания – апрель 1932 г., конец восстания – по информации УГВПО «бандформирование было ликвидировано к 15 августа 1932 г.»³⁶. Территория восстания – Тере-Холь, Качык, Сайгал, Сайгал-Аксы, Сарыг-Домун, Шавар-Хараал, Качык-Хараал [История Тувы 2007, с. 194]. Однако, по сведениям информантов С. Ш. Хомушку, остатки повстанцев были полностью разбиты только зимой 1932 г.

В «Истории Тувы» описан факт, согласно которому активную роль в организации вооруженного выступления сыграл монгольский лама Тунче, живший в тех местах. Он написал на полотне воззвание: «Надо уничтожить темную власть. Помогите войскам Далай-Ламы. Не жалея скота!». В Шавар-Хараале и Качык-Хараале зажиточные араты и ламы в один голос стали твердить: «Нам-торе душкен» («Власть партии низложена») [Там же, с. 193]. 7 июля 1932 г. центральной властью ТНР туда был направлен кавалерийский эскадрон под командованием Хертека Шилги-Бызаа, к которому присоединились более ста добровольцев из Танды, Тес-Хема, Каа-Хема и Улуг-Хема. Убито было 78 повстанцев, на поле боя остались два пулемета, более ста винчестеров и кремниевые ружья. Остатки повстанцев бежали в Монголию [Там же, с. 193].

Ввиду недоступности или отсутствия архивных документов, проливающих свет на ход самого восстания, в качестве дополнительного фактологического материала рассмотрим версию событий, собранную краеведом С. Ш. Хомушку у информантов в Кунгуртуке в 1966 г.³⁷:

«В 1931 г. в сумоне Тере-Холь было решено организовать три колхоза: «Карл Маркс», «Пламя революции» «Путь в коммунизм». Было принято решение строить школу в центре колхоза «Карл Маркс». Араты заготовили древесину, была проведена опись скота, переданного аратам колхоза, работа началась. Меня избрали поваром. Повстанцы приехали в Кунгуртук, и окружили нас, когда мы работали, захватили 10 человек, которые строили школу, начали избивать. Мы спрятались, однако,

³⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 30.

³⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 31.

³⁷ Рукопись со сведениями информантов была составлена С. Ш. Хомушку на тувинском языке и была передана автору. На русский язык перевела О. Д. Натсак.

используя острые палки, они вытащили нас из укрытия. Трех человек, которые руководили стройкой школы, Сарыг Баазана, Адыя, Дугера, зверски убили, убили сына Арапсала, который помогал на стройке. Остальных погнали в сторону Хол-Бажы, по дороге Сумуя сбежал и сообщил о разбойниках армейцам и населению. Из-за восстания этих разбойников колхозы были распущены правительством».

«Получив вести о восстании в Монголии, председатель сумона Нуур (Тере-Холь – О.Н.) Кунчун чангы бежал в Монголию, присоединился к монгольским повстанцам, и вернулся с ними сюда в начале мая. В то время жители Тере-Холя численностью 20 орег (домохозяйств) объединились, чтобы перейти на оседлый образ жизни, обучать своих детей. Когда мы почти были близки к завершению строительства школы, пришли повстанцы. Основной костяк повстанцев составлял около 40 человек, ездили по Сайгалу, Балыктыгу, Шивилигу, тревожа местное население».

Мятеж начался в Сайлыг-Хеме, в местечке у левого притока реки Сайлыг. Оттуда через Алдыы-Балыктыг мятежники прибыли в Шынаа. Для подавления мятежа был отправлен отряд революционных армейцев в количестве 30 человек. Командиры: Шилги-Бызаа, Серен, Сталин, Сарыг-оол, представитель ЦК (ТНРП – О.Н.) Пульчун, писарь-армеец Оюн Мунзук. Часть отряда прибыл через Эрзин, верх по Нарыну в Качык, Сайгал, Шынаа. Вторая часть прибывала в Шынаа через Хостааи, Термис и Балыктыг. Монгольские солдаты стояли в Сайлыг-Хеме и Коргурээ».

«Кыргыс Томур (1901ч.-1952 гг.) – председатель сумона Балыктыг, был связным между тувинскими и монгольскими армейцами. Однажды командир революционной красной армии Серен Кужугет дал задание довести до монгольских военных секретное письмо. В этих окрестностях была стоянка повстанцев, а монгольские армейцы находились далеко вглубь, на самой границе. Когда спускался вниз по Хос, вышли два вооруженных человека. Оказалось, что это караульные мятежников (судя по всему, монгольских – О.Н.). Он быстро спрятал письмо в носки. Мятежники, увидев одного тувинца, начали бить его, допрашивая, кто он и откуда. Он ответил, что ищет своих лошадей. Но это не подействовало, караульные мятежников избили его до потери сознания. Когда он очнулся, он лежал один, весь в крови, лошади его не было. Быстро пощупал письмо, оно оказалось на месте. Пешком дошел до монгольских военных и передал письмо».

«В том мятеже приняло участие 30-40 человек, во главе –

председатель сумона Нуур–Кунчун, а также араты, которых либо уговорили, либо заставили. Мятежники, прибыв сюда, не оставили ни одного мужчины, кого-то они убили, кого-то заставляли примкнуть к ним. В некоторых аалах семьи отвозили своих несовершеннолетних сыновей к монголам и прятали у них, немало тех, кто именно так спас жизни сыновей. Они живы и сейчас, помнят эти страшные события как вчера. Однако они боятся называть чьи-либо имена, остался страх от слова «контр» после мятежа.

Время было ближе к осени, революционная армия подошла к Шынаа. Рано утром на Артаг-Оорае они застали спящим у скалы караульного, которого схватили. Он указал, где прятались остальные 27 человек. Кто-то бежал, кого-то схватили. Оказалось, что порох, пули к ружьям закончились, лошади истощены. Это были остатки тех, кто бежал сюда, когда закончилась провизия, порох после перестрелки с революционными армейцами в местечках Шивилиг и Ийи-Дыттыг. Некоторое количество мятежников бежало в свои аалы, это были в основном безоружные араты, которых заставили присоединиться к мятежу. Предводитель этой группы Кунчун чангы был схвачен. Наступила холодная зима 1932 г. Выполняя задания партии и правительства, часть военных во главе с Шилги, Пульчуном, Ханды-Сурун выбыли из Тере-Холя через Балыктыг. Когда выпал снег, армейцы окружили мятежников и разбили. Кто-то был схвачен, кому-то удалось сбежать в тайгу. Было объявлено, что тот, кто был обманным путем привлечен к мятежу по своей темной отсталости, может мирно возвращаться в свои аалы. Когда наступили холода, таковые вернулись в свои кочевья. Среди них была проведена агитационно-разъяснительная работа.

В местечке Сайлыг-Хем Сайгала тувинские и монгольские военные окончательно разбили монгольских и тувинских мятежников. Кунчун чангы был приговорен к 8 годам тюремного заключения, умер в 1964 г. в Кунгуртуке.

В мятеже главную роль играли бывшие чиновники и ламы, попавшие под влияние монгольских лам»³⁸.

Из этих сведений можно сделать несколько выводов: в отличие от Хемчикского восстания 1930 г. окончательное подавление Тере-Хольского повстанцев было более продолжительным по времени; в ходе восстания не были схвачены представители органов местной власти или члены партии, не было озвучено политических заявлений и лозунгов,

³⁸ Использованы сведения, сообщенные С. Ш. Хомушку информантом Баян-Хоо Хертеком, который участвовал в строительстве школы и был схвачен повстанцами.

кроме призыва к уничтожению «темной власти и помощи войскам Далай-Ламы»; повстанцами были убиты организаторы строительства школы, олицетворяющей новый жизненный порядок; активным участником восстания был бывший сумонный чангы Кунчун; тувинские повстанцы, как и армейцы, прибывшие для подавления восстания, имели каждые свои связи на монгольской территории.

Подавление восстания в мае 1932 г. называлось в докладе УГВПО как «операцией по изъятию контрреволюционного элемента в приграничной южной полосе в связи с событиями Монголии»³⁹. Сообщалось, что за время этой операции в 1932 г. было вскрыто и ликвидировано шесть контрреволюционных группировок и организаций повстанческого характера, в то время как в 1930 и 1931 гг. – только две⁴⁰. Как докладывал секретарь ЦК ТНРП Иргит Шагдыржап в ИККИ 5 мая 1932 г.: «В связи с событиями в Монголии УГВПО ТНР строго контролирует ситуацию на границе. Всего нами поймано и заключено под стражу 126 феодалов, лам, баев (Улуг-Хем – 31, Тес-Хем – 29, Барун-Хемчик – 27, Чөөн-Хемчик – 20, Каа-Хем – 19). Создали центральный орган борьбы с внутренними вооруженными классовыми врагами, возглавляет его Чурмит-Тажы, входят в него из ЦК ТНРП Тока, командир Серен, руководитель УГВПО Сенгиижик, секретарь райбюро ВКП(б) Коновальчик, советники Конюшевский, Максимов»⁴¹.

Данное восстание показало то, что партийно-государственные органы ТНР не имели на тот момент существенного политического влияния на Тере-Холе, возможно, в силу отдаленности, пограничного положения, транспортной недоступности, следовательно, и соответствующего контроля не было со стороны центральных органов. Более того, в записке УГВПО указывалось на то, что руководящие работники и активисты в Тере-Холе сами примкнули к восстанию. «В отдаленных (особенно приграничных) сумонах до сих пор продолжает оставаться сильным родовое влияние. Низовой госаппарат, партийные и РСМ⁴² ячейки, вместо мобилизации революционного внимания аратской массы на борьбу с контрреволюционным элементом, зачастую бездействуют, а отдельные руководящие работники и активисты плывут в массе общих нездоровых и контрреволюционных настроений или сами становятся на путь активных контрреволюционных действий, как это имело место

³⁹ Там же. Л. 31.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ НА ТИГПИ, д. 1291, л. 10-11.

⁴² РСМ или ТРСМ – Тувинский революционный союз молодежи.

в мае 1932 г. в Тере-Хольском сумоне, когда председатель сумона и секретарь партийной ячейки демонстративно покинули совещание, на котором обсуждался вопрос о переселении феодалов. Член Малого Хурала открыто вел контрреволюционную работу среди аратов. В Качык сумоне три секретаря РСМ ячеек и некоторые активисты ячеек АРП, в период напряженной обстановки, открыто занимались распространением провокационно-пораженческих слухов»⁴³.

Таким образом, эти оценки указывают на тот факт, что на низовом уровне власти и в политических структурах, как ячейки ТРСМ и ТНРП, не было лояльности и поддержки установившейся власти и ее политическому курсу, что показывает глубину развернувшегося социального конфликта внутри тувинского общества.

Социальный состав участников, персоналии

Как выше отмечалось, в пределах сумона Тере-Хольское восстание отличалось массовым участием жителей. Данное предположение подтверждается и данными из записки УГВПО ТНР, согласно которой «почти поголовно основная аратская масса Тере-Хольского и Качыкского сумонов была втянута в контрреволюционное движение»⁴⁴.

Таким образом, социальный состав участников охватывал все слои общества: не только бывших феодалов и лам, которым отводилась роль организаторов и руководителей восстания, но и аратов, а также партийно-ревсомольских работников, представителей местных органов власти, которые должны были на местах защищать, продвигать новые ценности и новые порядки.

Известно, что в Тере-Хольском восстании участвовали бывший чангы⁴⁵ Делик-Кунчул⁴⁶, кешпи⁴⁷ Шомпатык, Менди, Шондан-Маадыр, которые осенью 1931 г. начали работу агитационного характера, направленную против власти [История Тувы 2007, с. 193]. В «Истории Тувы» отмечено, что эти лица установили связь с монгольскими повстанцами⁴⁸.

Основным инструментом вовлечения в восстание также послужило распространение «провокационно-пораженческих» слухов. «В середине

⁴³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 31.

⁴⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 32.

⁴⁵ Чангы (дзанги) – титул цинского периода, которым называли начальника сумона, ведавшего отношения своего сумона с другими, отвозил собранную подать амбын-нойону.

⁴⁶ По сведениям, которые были собраны С.Ш. Хомушку у информантов, его имя было Кунчун.

⁴⁷ Кешпи (геше) – монашеская ученая степень буддизме.

⁴⁸ Там же

февраля 1932 г. к Томуру, председателю Тере-Хольского сумона, пришел Шомпатык и стал пересказывать ему слухи о том, что страна русских захвачена германскими и английскими ханами (королями), Москва давно сгорела, Хем-Белдири (Кызыл) занят белогвардейцами, на Хемчике Даа-нойон установил старые порядки, красные войска разбежались» [Там же].

Наибольшую социально-политическую опасность для власти ТНР и даже после подавления восстаний продолжали представлять ламы. По нашему мнению, в подобном восприятии лам в качестве внутреннего врага было несколько субъективных оснований. Во-первых, любая религиозная деятельность предполагает практику убеждения и привлечения на свою сторону людей. Ламы были образованными людьми, знали психологию воздействия на людей, а практика философских диспутов формировала навыки аргументированного убеждения. С этой точки зрения новая власть в работе с населением технологически проигрывала ламам. Не случайно в документах отражены разные слухи как толчок к началу повстанческих действий – представители религии знали о внутренних страхах и пружинах аратов, методах воздействия на эмоциональное состояние людей, умели использовать еще не изжитую религиозность тех же партийно-ревсомольских деятелей, которые перешли на сторону сопротивления. Каналы коммуникаций духовенства, впрочем, и бывшего чиновничества, выходили за пределы тувинского государства, связи, в том числе в Монголии, были сформированы еще с цинских времен, и продолжались до 1921 г. В этой связи ламы рассматривались как существующая и потенциальная опасность. Считалось, что «наиболее опасным элементом на данном отрезке времени является ламство, которое формально будучи разгромлено, но не разбито идейно и не уничтожено физически. Они составляют не менее 7-8% всего населения, несмотря на то, что с хурээ ушли и перешли в светское состояние, продолжают в скрытой форме вести свою контрреволюционную работу среди аратов»⁴⁹. Именно эти оценки объясняют дальнейшую логику политических событий, в результате которого из социальной структуры тувинского общества (почти) исчезнет целая страта, состоявшая из лам и шаманов, и активная религиозная деятельность вплоть до конца 1980-х гг.

Монгольские параллели и трансграничный характер восстания

Восстание в Тере-Холе имело монгольские параллели.

В Монголии с апреля по июль 1932 восстания вспыхнули в разных районах Монголии: Хубсугульском, Архангайском аймаках, на

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 32.

Алтае, Южной Гоби, Дариганге, затем перешли в Убурхангайский и Дзабханский аймаки [Монголия в документах из архивов 2019, с. 335].

Как указывалось в рапорте от 8 августа 1932 г. члена Революционного военного совета МНРА⁵⁰ и начальника политуправления МНРА Д. Улзийбата о работе особого отряда по подавлению контрреволюционного восстания в западных районах, «отмечался большой подъем и решительность в лагерях банды, а также массовое привлечение аратов на их сторону в результате неудачных боев партизанских отрядов...». Описывая бой в местности Гичгений-гол, он сообщал, что «при помощи аэроплана, пушек, танкеток, пулеметов и других родов оружия разбили банду Дамдинсурена и главкома Дэндэва, численностью около 600 человек» [Монголия в документах из архивов 2019, с. 354].

По оценкам С.Л. Кузьмина и Ж. Оюунчимэг, по своему характеру это было гражданской войной [Кузьмин, Оюунчимэг 2015, с. 47]. Согласно данным, приведенной в статье указанных авторов, в восстании 1932 г. в Монголии принимало участие 70 % населения пяти самых населенных аймаков МНР, погибло 8-10 тыс. человек [Там же, с. 61].

УГВПО ТНР располагало достаточно подробной оперативной информацией о событиях в приграничных районах Монголии: о боевых действиях между монгольской народной армией и повстанцами, количестве повстанцев, имеющемся у них оружии⁵¹. В информации УГВПО ТНР от 22 мая 1932 г., к примеру, имеются сведения о том, что «мятежники из хошунного хурээ Дэлгэр-Хан-Ула аймака разбиты в результате двухдневных боевых действий, из них по 20-25 человек бежали на границу с Тувой (гора Асса-Хол)»⁵².

Как и в случае с восстанием на Хемчике 1930 г., восстание на Терехоле в 1932 г. имело трансграничный характер, по оценкам УГВПО ТНР наблюдались «попытки увязаться идейно и организационно с контрреволюционным и правым элементом в Монголии; организация эмиграционного движения в Монголию, и это касалось почти всех сумонов южной пограничной полосы»⁵³.

Более того, по оперативным сведениям УГВПО ТНР, участники Терехольского восстания и бежавшие из Монголии повстанцы какое-то время находились в одном лагере. Так, в информации данного органа от 15 июля 1932 г. о принятии агентурных и оперативных мер сообщалось, что «повстанцы, которые были в местечке Балыктыг в течение последних

⁵⁰ МНРА – Монгольская народно-революционная армия.

⁵¹ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 168, л.

⁵² НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 168, л. 17.

⁵³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 32.

нескольких дней, не более 40-45 тувинцев, разошлись и разъехались по домам, основное ядро повстанцев из Монголии в 12-13 числа этого месяца вернулось в Монголию. Впоследствии в Монголии в местечке Булакай они объединились с белогвардейцами, от тувинской границы 40-50 км, со стороны Тере-Холя 150-200 км. Общее количество мятежников там достигает 600-700 чел. хотя красноармейцы Монголии раздавили их, костяк 30-40 человек оторвались, бежали по реке Тес-Хем. Их преследуют»⁵⁴.

В отличие от событий 1930 г., когда преследуемые армейцами тувинские повстанцы бежали в Монголию, в 1932 г. на территорию Тувы заходили и уходили обратно монгольские повстанцы.

Тере-Хольское восстание 1932 г. в Туве по сравнению с монгольскими очагами было локальным, и не имело таких масштабов, как в соседней стране, но с точки зрения сопротивления государственно-партийной политике было чрезвычайным внутривнутриполитическим событием.

Учитывая повстанческую активность в Монголии и мятеж в Тере-Холе, УГВПО в 1932 г. более внимательно начало отслеживать настроения в других хошунах, выявлять угрозы государственным интересам со стороны кокретных лиц. Исходя именно из необходимости принятия превентивных мер, как мы полагаем, в мае 1932 г. планировалось арестовать в Улуг-Хемском хошуне 30 человек, в Дзун-Хемчикском – 19. 3 июля 1932 г. из этих хошунов, а также из Барун-Хемчика в Кызыл повезли арестованных⁵⁵. В Тес-Хеме были организованы 2 группы по 15 человек – одна группа состояла из местных партийцев, вторая – из числа армейцев. Эти группы направились в Тере-Холь⁵⁶.

Политические итоги Тере-Хольского восстания

Выводы относительно политики, проводимой ТНРП в 1929-1932 гг., были сделаны в 1933 г.

На II объединенном пленуме ЦК и ЦКК ТНРП, состоявшемся 22-28 октября 1933 г., многие партийно-государственные деятели признали свои ошибки. Полат, руководивший тогда хошунным комитетом ТНРП сказал следующее: «Наша главная ошибка – в попытке перепрыгнуть ступень, которую мы не прошли. Административным методом мы создали много колхозов. В 1932 г. мы заставляли аратов продавать свой скот. Араты, которые сдали скот, до сих пор не получили оплату за них,

⁵⁴ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 168, л. 27.

⁵⁵ НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 168, л. 20.

⁵⁶ Там же.

сидят с квитанциями в руках. Председатели сумонов делали личными батраками тех, кто лишен прав. В выборную кампанию мы без всякого разбора лишали избирательных прав. Например, если арат налил чай шаману, арата лишали избирательных прав...»⁵⁷. Байыр-оол, председатель хошкома ТНРП Тес-Хема: «В моей практике были такие случаи: лишали шаманов прав, издевались над верующими и унижали их, грабили монастыри, разбивали фигуры бурханов, но, несмотря на это, мы не смогли перебороть религиозную веру аратов. Это наша самая жесткая ошибка»⁵⁸. Заведующий отделом агитационно-массовой работы ЦК ТНРП Товарищтай: «В Барун-Хемчике мы довели коллективизацию до 50-60%. Конечно, это были нежизнеспособные хозяйства. Работая в 1932 г. в Тес-Хеме, я не стал восстанавливать избирательные права тем, кому это положено было. Это была моя ошибка»⁵⁹. Чурмит-Тажы, председатель Совета министров: «Одна из наших больших ошибок – это то, что мы забыли про частное хозяйство»⁶⁰. Эти высказывания по содержанию и характеру похожи на публичное раскаяние.

Известно, что III Чрезвычайная сессия Малого Хурала ТНР, которая состоялась вслед за вышеуказанным пленумом, 28 октября – 3 ноября 1933 г. приняла решения, которые означали «шаги назад», исправляющие перекосы, которые, как мы полагаем, в том числе привели к восстаниям 1930-1932 гг. По итогам III Чрезвычайной сессии Малого Хурала ТНР было сделано обращение к народу, в котором наряду с достижениями были признаны политические ошибки, сделанные в предыдущие годы. «...Наряду с этими бесспорными достижениями, органы власти как в центре, так и на местах, допустили грубые ошибки в целом ряде хозяйственно-политических вопросов». К ошибкам были также причислены политические действия, как незаконные аресты, лишение избирательных прав не только феодалов, но в некоторых случаях даже аратов. В сфере экономической политики – борьба с частнохозяйственной и торговой активностью. В сфере религии – оскорбление религиозного чувства верующих аратов и преследование лам и шаманов за исполнение религиозных обрядов, совершенно неверный курс на сплошную коллективизацию»⁶¹.

В этом обращении были сформулированы принципы государственной политики, которых следовало придерживаться всем органам власти. По

⁵⁷ НА ТИГПИ, д. 1294, л. 19.

⁵⁸ Там же. Л. 20.

⁵⁹ Там же. Л. 21.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 61, л. 33.

содержанию эти принципы были в некоторой степени созвучны той политической и экономической реальности, которая складывалась до начала левого курса в 1929 г., однако, как покажет история, довольно скоро подобная новая политика будет свернута в силу внешних и внутренних причин. Но на начальных порах был действительно принят ряд практических шагов, в том числе изменение законодательства ТНР: объявлялась «неограниченная свобода религиозных верований и убеждений, беспрепятственное исполнение религиозных обрядов, привлечение к суровой ответственности всех, кто попытается оскорблять религиозное чувство народа, а также и тех, кто вздумает использовать религию в контрреволюционных целях борьбы против народной революции и установленного государственного строя ТНР. Сессия обязывает Президиум Малого Хурала и Совет министров в кратчайший срок пересмотреть все ранее изданные законы и постановления, списки граждан, лишенных избирательных прав и восстановить в этих правах всех неправильно лишенных, в месячный срок проверить состав всех граждан ТНР, лишенных свободы по суду, и в порядке следствия»⁶².

Пересмотр прежних принципов коснулся не только политической сферы, но и вопросов собственности. На этой же сессии Президиума Малого Хурала было решено, к примеру, что «наряду с максимальным развертыванием частно-хозяйственной инициативы правительство должно содействовать аратам в их добровольной организации в простейшие хозяйственные и производственные кооперативные объединения, оказывая им материальную и организационную помощь» [Очерки истории 1975, с. 93].

Что касается «ламского вопроса», то в 1932 г. части буддийского духовенства были предоставлены избирательные права. Из протокола (№32) заседания Политбюро АРП от 28 октября 1932 г. видно, что, заслушав ход избирательной кампании и «левацких» перегибов, допущенными хошунными избирательными комиссиями, было принято решение внести уточнения в инструкции по проведению выборов. Было решено разделить на три категории: «низкие ламы, если они бросили хурээ и занимаются трудовым хозяйством, независимо от времени, – их восстановили в избирательных правах; ламы средней категории выше «кеския»⁶³, если бросили хурээ и занимаются трудовым хозяйством в течение двух лет, – было решено не лишать избирательных прав. У высшего духовенства все осталось по-прежнему – без избирательных

⁶² Там же. Л. 34.

⁶³ Кеский – старший лама в монастыре

прав [Моллеров, Натсак, Самдан 2021, 74].

Однако, даже после «нового курса», начатого с признания допущенных ошибок политико-экономического характера на III чрезвычайной сессии Малого хурала ТНР в 1933 г., в ламстве продолжали видеть политического врага, связанного с иностранными государствами. «Контрреволюционные, феодальные элементы в стране стремятся представить новый хозяйственно-политический курс как политическое отступление, связывая его с событиями в Маньчжурии. Ожилились и некоторые теократические элементы, пытающиеся использовать в своих целях постановление сессии о борьбе с административными методами, имевшими ранее место в антирелигиозной работе»⁶⁴.

В сентябре 1934 г. в ИККИ докладывалось о том, что, несмотря на то, что «ламский вопрос» не так остро стоит, как в соседней Монголии, тем не менее, ламство играет в общественной жизни страны очень большую роль⁶⁵. В рамках пересмотра «левацких загибов» признавалось, что «до 1932 г. в «ламском вопросе» допускались ошибки. В 1933 году эти левацкие загибы решительно были устранены. После этого опять началось некоторое оживление среди ламства. Ламство в целом играет реакционную роль и тормозит более быстрый хозяйственный и культурный рост республики. Ламы пытаются в настоящее время взять под свое влияние молодежь, женщин, надеясь потом через эту часть аратов закрепить свое влияние и на мужчин аратов. Ламы Самагалтайского хурээ самовольно внесли в ламский список простого арата Шира и бывшего мелкого чиновника Ловай. Те же ламы и ламы Эрзина и Нарына начали привлекать в хурээ детей аратов в качестве хуураков. Контрреволюционные ламы в Тере-Холь сумоне агитируют среди родителей аратов за то, чтобы араты не учили своих детей тувинской письменности, а сделали бы их хуураками. Ламы таким образом нарушают закон республики, запрещающий детей ниже 18 лет привлекать в качестве хуураков в хурээ».

В вопросах ламства и религии правительство ТНР и ТНРП решили придерживаться следующей линии: с одной стороны – соблюдать декларированную конституцией свободу вероисповедания и ни в коем случае не допускать оскорбления религиозных чувств верующих; не допускать административных методов борьбы против ламства и религии вообще; борьбу вести только путем распространения научных знаний. С другой – не допускать нарушений законов ламами и монастырями:

⁶⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 67, л. 50-51.

⁶⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 67, л. 93.

прием детей в хурээ, незаконные сборы в пользу хурээ; не допускать вмешательства хурээ и лам в дело государственного управления; привлекать к ответственности лам, ведущих контрреволюционную агитацию против правительства; хурээ и ламы должны заниматься только вопросами религии, а не политикой⁶⁶.

В секретном письме в Восточный секретариат ИККИ с прошением о приеме в ряды Коминтерна в качестве сочувствующей партии от 20 сентября 1934 г., подписанном Председателем Президиума ЦК ТНРП Тока, членом Президиума ЦК ТНРП Хемчик-оолом, членами ЦК ТНРП Шагдыржапом и Седип-оолом, было признание политических ошибок: «Проводя в основном правильно решения VIII съезда партии и директивы Коминтерна, партия в период 1930-1932 гг. допустила ряд ошибок. Партия, не имея налицо у себя в стране необходимых условий, начала проводить политику сплошной коллективизации, политику зажима частно-хозяйственной инициативы и свободных рыночных отношений, политику ликвидации байства. Эта политика вызвала недовольство аратских масс и угрожала отрыву партии от масс. Партия, благодаря своевременной помощи Коминтерна, сумела вовремя вскрыть свои ошибки и перестроить свою работу в соответствии с директивами ИККИ»⁶⁷.

Хотя здесь нет прямого упоминания вооруженных восстаний 1930-1932 гг., и речь идет только об «отрыве партии от масс», можно предположить, что в основе изменения политики, лежало не только признание исходных причин восстаний, но и резкое ухудшение экономического положения Тувы.

Признание ошибок под влиянием Коминтерна, проведение чрезвычайной сессии Президиума Малого Хурала в 1933 г., последующее изменение принципов политики – такая последовательность событий в Туве была практически идентична той последовательности принятых в 1932 г. в Монголии мер после разноочаговых крупных восстаний, но с той разницей, что в ТНР перегибы в левой политике не были персонифицированы. [История Монгольской Народной Республики 1967, с.336] В Монголии осуждение политики левых произошло на чрезвычайном пленуме ЦК МНРП в июне 1932 г., и сопровождалось демонстративным выводом из ЦК левых уклонистов З. Шижия, О. Бадархо и др. С. Л. Кузьмин и Ж. Оюунчимэг в статье «Хубсугульское восстание 1932 г. в Монголии» описали реакцию в СССР и указания ВКП(б) и ИККИ следующим образом: «Политбюро ЦК ВКП (б)

⁶⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 67, л. 93.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 68, л. 9.

пристально следило за ходом восстания, 16 мая 1932 г. был обсужден монгольский вопрос. Было указано, что основная ошибка руководства МНР – слепое копирование политики советской власти. Надо ликвидировать эту ошибку, а также разбить повстанцев. В этом духе было выдержано совместное постановление ИККИ и ЦК ВКП (б) от 29 мая» [Кузьмин, Оюунчимэг 2015, с. 54]. Затем, как пишут С. Л. Кузьмин и Ж. Оюунчимэг, 3-й чрезвычайный пленум ЦК и ЦКК МНРП 29-30 июня и 17-ая чрезвычайная сессия Малого Хурала МНР приняли решения согласно этим указаниям, а на смену «левому уклону» пришел «новый курс» [Там же].

Заключение

В заключение надо отметить несколько выводов относительно характера и содержания Тере-Хольского восстания в 1932 г. Тере-Хольское выступление по своему характеру было вооружённым восстанием против политики партии и правительства. Ко времени начала Тере-Хольского восстания, в отличие от восстания 1930 г., левая политика и связанная с ней классовая борьба достигла кульминации в Туве: конфискация, к которой намечались подступы перед восстанием 1930 г, произошла как факт; в активную фазу вошла коллективизация; антирелигиозная политика на государственном уровне и экономическое давление на монастырские хозяйства привели к тому, что практически все монастыри, за исключением Самагалтайского хурээ, были закрыты. Коренная трансформация социальной структуры, принципов хозяйствования, смена элит, а также устоявшейся веками духовно-религиозной жизни в тувинском обществе не могли не привести к крайним формам политического протеста как вооруженное восстание.

Тере-Хольское восстание 1932 г. по времени произошло на фоне таких международных факторов, как военная активность Японии на Корейском полуострове, в Северном Китае. В 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии. Коминтерн в своем письме в феврале 1932 г. прямо указывал на угрозу порабощения со стороны Японии Монголии и Тувы и предупреждал о возможном «оживлении надежд клерикально-феодалных сил в Туве», которые были названы «внутренним резервом интервенционистов».

В качестве ключевых внутривнутриполитических факторов, повлиявших на протестные настроения среди населения, выделяются чистки в ТРСМ, организациях, состоявшаяся конфискация имущества бывших феодалов; переселение бывших феодалов с родовых кочевий и мест житель-

ства в другие районы; усиление антирелигиозной борьбы, добровольно-принудительная коллективизация аратских хозяйств в 1931-1932 гг. В результате экономического и политического давления на буддийские монастыри в 1932 г. осталось только одно функционирующее хурээ из 22.

Конфискация имущества у богачей, феодалов, лам, монастырей и последующая раздача скота беднякам по своему значению была актом конструирования новой социальной реальности – экономического равенства, и исходила из идеи социальной справедливости. Количество скота и частная собственность на него были классообразующими факторами. Перераспределение собственности и ресурсов в виде скота, пастбищ изменило экономическую стратификацию и классовую структуру тувинского общества. Фактически прекратили свое существование крупные собственники скота, частные торговцы как экономический класс.

Переселение бывших феодалов внутри хошуна или за пределы хошуна, означало лишение их свободы выбора места жительства и гражданских прав.

Восстание в Тере-Холе в 1932 г. повторяет ту же схему, которую мы наблюдали на примере восстаний на Хемчике в 1924, 1930 гг.: начало восстания весной – вооружённое столкновение с правительственным отрядом – бегство в Монголию – завершение операции по подавлению восстания в конце лета.

В Тере-Хольском восстании участвовали бывшие феодалы и ламы, араты, партийно-ревсомольские работники, представители местных органов власти. Это свидетельствовало о нелояльности местных руководителей политике центрального правительства и партии. Количество активных участников достигало 40 человек.

Данное восстание носило также антимодернизационный характер, и было выступлением в защиту религии.

Как и восстание на Хемчике 1930 г., мятеж в Тере-Холе имел трансграничный характер, по времени совпал с Хубсугульским восстанием в Монголии.

Политические уроки восстаний были сделаны в Туве в 1933 г. под руководством Коминтерна. Будучи свидетелем крупных очагов восстания в Монголии в 1932 г., которое подавлялось с помощью танков и авиации, а также в Туве, Коминтерн в той международной обстановке начал «купировать» политическую нестабильность в координируемых им в двух сопредельных государствах внедрением «новой политики», но публично признать ошибки «левого курса» должны были народно-революционные партии и правительств этих стран. Такой поворот был апробирован сначала в Монголии, после нее – в Туве.

В Туве Тере-Хольские события 1932 г. были последним проявлением открытой формы сопротивления и противостояния политике партии и правительства в ТНР с вооружёнными столкновениями. Тере-Хольскими событиями закончился вооружённый этап политического протеста в ТНР.

Литература:

1. Васильев 1994 – Васильев, Л.С. История Востока. В 2-х томах. Том 2. М.: Высшая школа, 1994. 495 с.
  2. История Монгольской Народной Республики 1967 – История Монгольской Народной Республики / АН СССР. АН МНР. Под ред. акад. Е. М. Жукова и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1967. 537 с.
  3. История Тувы 2007 – История Тувы: В 3 т. – Т. II / Под общей ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
  4. Кузьмин, Оюунчимэг 2015 – Кузьмин, С. Л., Оюунчимэг, Ж. Хубсугульское восстание 1932 г. в Монголии // Восток (Oriens). 2015. № 3. С. 47-62.
  5. Моллеров, Натсак, Самдан 2021 – Моллеров, Н. М., Натсак, О. Д., Самдан, А. А. По пути народовластия: представительско-законодательная власть Тувы (предпарламентский период). Абакан: Журналист. 2021. 297 с..
  6. Монголия в документах из архивов 2019 – Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922-1936 гг.). М.: ИВ РАН. 2019. 526 с.
  7. Натсак 2020 – Натсак, О.Д. Антирелигиозная и внутривластная борьба в Тувинской Народной Республике в контексте социализации тувинских женщин // Общество, философия, история, культура. 2020. № 12 (80). С. 113-120.
  8. Очерки истории 1975 – Очерки истории Тувинской организации КПСС. Отв. ред. Г. Ч. Ширшин. Кызыл: ТНИИЯЛИ. 1975. 405 с.
  9. Системная история 2006 – Системная история международных отношений в двух томах. Т. I. События 1918-1945 гг. / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Культурная революция, 2006. 476 с.
  10. Tatsuo 2003 – Tatsuo, N. Mongol Nationalism and Japan in *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895-1945*. Ed. By Li Namangoa and Robert Cribb. L., N-Y: Routledge Curzon. 2003. P. 90-106.
- Imperial Japan 2003 – *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895-1945*. Ed. By Li Namangoa and Robert Cribb. L., N-Y: Routledge Curzon. 2003. 371 p.

References:

1. Vasil'ev, L. S. (1994) "Istorija Vostoka" [History of the East], in 2 volumes, vol.2. Moscow, Vysshaja shkola, 495 p. (In Russ.).
2. "Istorija Mongol'skoj Narodnoj Respubliki" (1967) [History of the Mongolian People 's Republic] AS of the USSR, AS of the MPR., ed. by acad. E. M. Zhukov and others, second edition, revised and expanded, Moscow, Nauka, 537 p. (In Russ.).
3. "Istorija Tuvy" (2007), [History of Tuva], in 3 volumes, vol. 2, ed. by V. A. Lamin, Novosibirsk, Nauka, 430 p. (In Russ.).
4. Kuz'min, S. L. and Ojuunchimjeg, Zh. (2015), "Hubsugul'skoe vosstanie 1932 g. v Mongolii" [The Khubsugul Uprising of 1932 in Mongolia], *Vostok (Oriens)*, no. 3, p. 47-62. (In Russ.).

5. Mollerov, N. M., Natsak, O. D. and Samdan, A. A. (2021), “*Po puti narodovlastija: predstavitel’no-zakonodatel’naja vlast’ Tuvy (predparlamentskij period)*” [On the Path of Democracy: Representative Legislative Power of Tuva (Pre-Parliamentary Period)], Abakan, Zhurnalist, 297 p. (In Russ.).

6. “*Mongolija v dokumentah iz arhivov FSB Rossii (1922-1936 gg.)*” (2019), [Mongolia in Documents from the Archives of the FSS of Russia (1922-1936)], Moscow, IV RAN, 526 p. (In Russ.).

7. Natsak, O. D. (2020) “Antireligioznaja i vnutripoliticheseskaja bor’ba v Tuvinskoj Narodnoj Respublike v kontekste socializacii tuvinskih zhenshin” [Anti-Religious and Internal Political Struggle in the Tuvan People’s Republic in the context of the socialization of Tuvan women], *Obshhestvo, filosofija, istorija, kul’tura*, no. 12 (80), pp. 113-120. (In Russ.).

8. “*Očerki istorii Tuvinskoj organizacii KPSS*” (1975), [Essays on the History of the Tuvan Organization of the CPSU], TNIJALI, Kyzyl, 405 p. (In Russ.).

9. “*Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v dvuh tomah*” (2006), [Systemic History of International Relations in 2 volumes, vol. 1, Events of 1918-1945], ed. by Prof. A. D. Bogaturov, *Kul’turnaja revoljucija*, Moscow, 232 p. (In Russ.).

10. Tatsuo, N. “Mongol Nationalism and Japan”, *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895-1945*. Ed. By Li Namangoa and Robert Cribb. L., N-Y: Routledge Curzon. 2003. P. 90-106.

11. *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895-1945*. Ed. By Li Namangoa and Robert Cribb. L., N-Y: Routledge Curzon. 2003. 371 p.

Информация об авторе:

Органа Д. Натсак, кандидат философских наук, учёный секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4, nod695596@gmail.com.

Information about the author: Organa D. Natsak, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, nod695596@gmail.com.

© Натсак О. Д., 2022
